В романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» огромное количество персонажей. Среди них есть представители разных национальностей, сословий, возрастов и полов. Некоторые из них близки и симпатичны писателю, другие – чужды и неприятны. Портретная детализация персонажа является значимым художественным средством в поэтике «Тихого Дона».

Шолохов, выделяя некую отличительную черту во внешности персонажа, постоянно обращает на нее внимание читателя. В романе «Тихий Дон» автор использует лейтмотивный способ введения портретных характеристик в текст. Шолоховский прием психологизированной портретной доминанты способствует запоминанию читателем многих художественных деталей внешности персонажей «Тихого Дона»: «черной дичи» в «чуть косых прорезях подсиненных миндалинах горячих глаз» и «звероватого» взгляда Григория, «играющего» самыми разными оттенками чувств «полюмя черных глаз», «точеной шеи», «пушистых завитков волос» и «зовущих», «слегка вывернутых, жадных губы» Аксиньи, «смелых серых глаз», «гладкого белого лба» и «больших, раздавленных работой» рук Натальи, «крутых», «насурмленных», «писанных дуг», и «вьющейся походки» Дарьи, похожей на «красноталовую хворостинку», «пшенично-желтых» усов и «буйной повители пшеничного цвета волос» Петра Мелехова, «кудрявой смолы», «вороной масти бороды и волос» и «серебряной полумесяцем серьги» Пантелея Прокофьевича, «оголенных», «прозрачных», «как родниковая вода», глаза Евгения Листницкого, «торчевых кошачьих зрачков», «узеньких щелок желто-масляных круглых с наглинкой» глаз Митьки Коршунова.

Портреты некоторых персонажей отличаются обилием подробностей, другие представляют собой небрежные наброски. Даже мельчайшая деталь портрета, вышедшего из-под пера Шолохова, дополняет представление читателя о персонаже. Мастерски созданная портретная детализация представлена в «Тихом Доне» с целью глубокого раскрытия душевной составляющей персонажа и вызвана сюжетной необходимостью.

Портретная деталь, выступая в роли важнейшего способа передачи внешнего и внутреннего облика героев «Тихого Дона», используемая писателем, свидетельствует о высоком профессионализме М.А. Шолохова как художника-психолога. Созданные писателем портреты раскрывают многогранность образов героев. Описание внешности нередко причудливо сочетается с проникновением автора в душу персонажа, с тонким психологическим анализом.

1. 1 Шолохов М.А. Собрание сочинений. В 9 т. Т.2. М., 1965. 414 с.
2. 2 Шолохов М.А. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 3. М., 1966. 414 с.
3. 3 Шолохов М.А. Собрание сочинений. В 9 т. Т.4. М., 1966. 438 с.
4. 4 Шолохов М.А. Собрание сочинений. В 9 т. Т.5. М., 1966. 503 с.
5. 5 Якименко, Л.Г. Творчество М.А. Шолохова – М., 1964.

Пушкарева Н.В.

Употребление научной терминологии в лирике

*ФГБОУ ВО Калужский государственный университет
им. К.Э. Циолковского
(Россия, Калуга)*

doi: 10.18411/sr-10-06-2019-87

idsp: sciencerussia-10-06-2019-87

Аннотация:

В работе представлены примеры стихотворений Е. Евтушенко и А. Вознесенского, в которых употребляется научная терминология.

Ключевые слова: научная терминология, метафора, сравнение, энтропия.

Abstract

The paper presents examples of poems e.evtushenko and a. Voznesensky, which used scientific terminology.

Keywords: scientific terminology, metaphor, simile, entropy.

Научная терминология и термины, которые относятся к техническим наукам, употребляются в ограниченных сферах жизни. Однако, что ни странно, научная терминология начала употребляться в лирике, что, на первый взгляд, вообще ей не может быть свойственно. Но употребление научной терминологии в таком ключе возрастает.

В современной лексикологии, термин – «единица наименования в данной области науки и техники, которой приписывается одно строго определённое понятие и которая соотнесена с другими наименованиями в этой области образует вместе с ними терминологическую систему»[2].

Случаи, когда термин приобретает переносное значение, свидетельствуют о том, что термин начинает употребляться не в составе языка науки, а уже в составе общелитературного языка.

Проникновение научной терминологии в русский язык началось в первой половине XIX века. «Термины, которые проникали в литературный язык, получали образное переосмысление, что приводило к образованию ярких метафор. Научные термины расширяли сферу метафористического употребления, это расширение развивало всё новые и новые переносные значения»[1].

В XX веке происходит активное проникновение научных терминов. Литературный язык становится терминологизированным, это обусловлено тем, что происходит ускорение широкого внедрения научно-технического прогресса, рождаются и развиваются новые отрасли науки.

Вторая половина XX века проходит под знаком того, что научная терминология начинает широко употребляться в текстах лирической поэзии. Активное использование терминология науки получило в «гражданской лирике». В этом направлении определённых высот достигли такие поэты, как Е. Евтушенко и А. Вознесенский.

Использование научной терминологии в сфере литературного языка связано с тем, что утрачивается узкоспециальное значение научного термина, а также «в исключении термина из тех сложных парадигматических и синтагматических связей и отношений, которые характеризовали его как члена определённой научной системы»[3].

Вместо научного термина, который «составляет смысловое ядро термина», употребляется или «общее представление о той или иной реалии науки и техники», или «сугубо субъективное, основанное на личных ассоциациях, метафористическое значение, которое оказывается актуальным лишь в пределах узкого контекста»[1]. А. Вознесенский и Е. Евтушенко использовали в качестве ведущего приема, чтобы ввести научную терминологию в лирическое произведение, прием «семантического контраста»[1]. Этот приём заключается в том, что в основе приема лежит «столкновение в пределах микроконтекста терминов со словами контрастной семантики»[1].

Для иллюстрации вышесказанного приёма следует привести примеры:

Любовь —

лицензия великая

нам на отстрел инстинктов тёмных,

всех обездоленных религия

и партия всех угнетённых.[2]

(«От желанья к желанью (монолог американского молодого человека)» А.Евтушенко).

Свищет всеобщую сонатой

между кухонь, бензина, щей

сантехнический озонатор,

переделкинский соловей![1]

(«Переделкинский соловей» А. Вознесенский)

В этих примерах бросается в глаза стремление передать научный термин с экспрессией. Вознесенский А. и Евтушенко Е. усиливают эффект, который получается из-за того, что термин употребляется в произведении лирической поэзии. Это происходит вследствие того, что происходит столкновение термина со словами «контрастных тематических групп», при этом научный термин получает «повышенную стилистическую окраску на фоне сниженной коннотации других лексем, например, «бензин-озонатор».

«Семантические сдвиги в словах – терминах можно представить в следующем виде: переосмысление- переносное употребление – переносное значение»[1]. Толчком для того, чтобы уместно употребить образ данный термина, является не содержание данного термина, а его бытовое осмысление. Научный термин перерастает в метафору, поэтому теряет свои связи с научной системой, а приобретает новые ассоциации.

Также в стихотворении А. Вознесенского можно увидеть сочетание слов, которые не пересекаются по своему «составу лексико-семантических групп»[1], например, употребление слов, которые относятся к разным сферам жизни (музыка – «соната», быт – «щи», техника- «озонатор»).

А стихотворение Е. Евтушенко бросается в глаза то, что тема любви оказывается погруженной в деловую и естественнонаучную сферы, это происходит при помощи употребления таких терминов, как «лицензия», «инстинкт» и др.

Именно такое употребление лексики, которая относится к разным уровням, приводит к созданию «эффекта стилистической «энтропии»- уничтожении, стилистической иерархии и нейтрализации экспрессии.

Также этот прием, а именно приём семантического контраста, увеличивается ещё одним способом – при помощи сравнения и метафор. Научное значение термина заменяется тем значением, в смысл которого вкладывается людьми, которые не обладают глубокими знаниями из той науки, к которой принадлежит данный термин; чаще всего в новое значение научного термина вкладывается ассоциации людей.

С иными мирами связывая
 глядят глазами отцов
 дети – широкоглазые
 перископы мертвецов.[1]
 («Война» А. Вознесенский)
 Великий Сачмо был в поту,
 И ноздри дымились, как жерла,
 И зубы сверкали во рту,
 Как тридцать два белых прожектора. [2]
 («Труба Армстронга» Е.Евтушенко)

Такое проникновение научных терминов в произведения лирики позволяет создавать метафоры, которые описывают реалии открытий научно – технического прогресса, например, употребление метафора, связанная с рентгеновским излучением.

Однажды, став зрелей, из спешной
 повседневности
 мы входим в Мавзолей,
 как в кабинет рентгеновский,
 вне сплетен и легенд, без
 шапок, без прикрас,
 И Ленин, как рентген, просвечивает нас.[1]

(«Лонжюмо» А. Вознесенский)

Также можно отметить ещё одну особенность лирических произведений Е. Евтушенко и А. Вознесенского – эта особенность заключается в том, авторы используют такую модель «термин + просторечное или разговорное слово»[1].

Чтобы это доказать, приведем следующие примеры:

Мартены,
 блюминги,

кессоны –
 вот племя идолов твоих.
 Ты жил физически бессонно,
 а нравственно –
 трусливо дрых.[2]
 («Русские коалы» Е. Евтушенко)
 Оза, Роза ли, стервоза –
 как скучны метаморфозы,
 в ящик рано или поздно ...
 Жизнь была – а на фига?[1]
 («В час отлива возле чайной...» А. Вознесенский).

Из этих примеров видно, как сочетаются термины с просторечными или разговорными выражениями. В приведенном первом примере сочетаются такие термины, как «Мартены, блюминги, кессоны» с разговорным выражением «дрых».

Во втором примере термин «метаморфозы» резко выделяется по своей окраске на фоне просторечных слов и выражений «стервоза», « в ящик рано или поздно, а на фига».

Но употребляется не только такая модель, как «термин + просторечное или разговорное выражение», также употребляется и другая модель «термин + высокое или поэтическое слово»[1].

Пример такой модели следующий:

Ракетодромами гремя,
 дождями атомными рея,
 Плевало время на меня,
 плюю на время!
 Когда магнитофоны ржут
 с опухшим носом скомороха,
 Вы думали – я шут?!
 Я суд!!
 Я страшный Суд, молись, Эпоха!
 Мой демонизм – как динамит,
 Созрев, тебя испепелит![1]
 («Отступления в виде монологов битников. Первый монолог» А. Вознесенский).

Этот пример иллюстрирует сразу две модели: «термин + просторечие или разговорное выражение» и «термин + высокое или поэтическое слово». Термины «ракетодром», «атомный» принадлежат научной терминологии; «рея», «испепелить» - высокая лексика; «опухший» - низкая лексика.

Таким образом, обобщая всё вышесказанное, можно прийти к выводу, что гражданская лирика иллюстрирует тот факт, что в XX веке происходит активное проникновение научной терминологии в литературный язык. Лирические произведения А. Вознесенского и Е. Евтушенко отличное тому доказательство.

1. Вознесенский А.А. Собрание сочинений: в 3-х т. – М., 1983-1984.
2. Евтушенко Е.А. Стихотворения и поэмы. – М., 1990. Литература
3. Б. Бобылев. Термины в публицистической лирике конца XX века. – М.: 2010.
4. Даниленко В.П. Русская терминология. – М., 1977.